

ГЛАВА V. ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА СКИФОВ И САРМАТОВ

Задача выяснения государственности и уровня культурной жизни скифов и сарматов очень трудна и неблагоприятна. Выше я разбирал характер и достоверность имеющихся у нас источников, характеризующих государство, религию и быт скифов и сарматов¹. Повторяю здесь вкратце те выводы, к которым я пришел в предыдущем изложении.

Оставляя в стороне все то, что касается политической истории скифов, о чем была речь в предыдущих главах, остановимся исключительно на вопросе о том, что знали древние о государственности, быте и религии скифов и сарматов и чем мы можем дополнить эти сведения.

Мы видели, что живой интерес к Скифии существовал в греческом мире в эпоху доперсидскую, когда во главе культурного движения стояли ионийские города М(алой) Азии и когда совершалась колонизация Черноморского побережья, выяснились возможности новых стран и их значение для греческого мира². Так как хозяевами северного побережья Черного моря и части его восточного берега были скифы и греческим поселенцам приходилось встать от скифского царства в отношении вассальной зависимости, такие же, в каких находились города М(алой) Азии сначала от лидийского, а затем от персидского царства, то грекам необходимо было знать, с кем они имеют дело, каково их прошлое и настоящее, какова культура и вообще весь облик их крупного и, как казалось, прочно организованного царства.

Нужные сведения собирались, конечно, постепенно и с разных точек зрения. Мифотворческая фантазия греков втянула Черноморское побережье в рамки главнейших мифотворческих циклов, связывая Черноморье и с мифом Геракла, и с рассказами об Аргонавтах, и с мифом об Аполлоне и гиперборейцах, и с преданиями об Ахилле, причем в эти мифы в их первоначальном виде, и в их литературной обработке, влетало немалое количество данных из истории скифов, их быта, их религии. Кое-какую роль в этом мифотворчестве сыграли и греки основывавшихся одна за другой греческих колоний по берегам Черного и Азовского морей.

Наряду с этим отлагались в сознании греков и фиксировались в их поэзии наблюдения отважных греческих путешественников, из которых некоторые, как, например, Аристей из Проконнеса, проникали вплоть до границ Китая, пользуясь, очевидно, крупным престижем скифского царства³. Немалую роль сыграли первые и заинтересованные реальные наблюдения главным образом ольвийских греков над жизнью и историей скифского царства и его соседей.

Все это отложилось в ионийской науке и ионийской литературе, отражая близость греческого мира к Скифии и значение, которое имела Скифия для греков VII—VI вв. до Р. Хр. Черное море играло крупную роль в постепенно слагавшемся представлении греков об обитаемом мире, т. е. в их географической литературе, наблюдения над строем Скифии,

¹ Очевидно, этот разбор предшествовал изложению политической истории Скифии.

² См. об этом: Скифия и Боспор. Гл. III. Л., 1925. С. 16—23.

³ В «Скифии и Боспоре» имеется указание М. И. Ростовцева на то, что вопрос об использовании исторических данных Аристея он рассмотрит во втором томе.

ее климатом, продуктами и т. п. передавались в произведениях ионийских логографов, те же наблюдения были материалом для естественно-исторических построений.

Обрывки этого творчества дошли до нас в одном аспекте в маленьком естественно-историческом трактате, приписываемом Гиппократу, в постоянных повторениях в той или иной форме некоторых циклов мифических сказаний и отдельных эпизодов из этих циклов, полнее и шире всего в том завершении работы ионийских логографов, которым было бесмертное творение Геродота.

Естественно, что, будучи последним звеном одной цепи и одним из первых звеньев новой, произведение Геродота является особенно сложным и трудным для анализа. Выше разобранный вопрос о том, знал ли Геродот хотя бы кусочек Скифии *de visu* или черпал он преимущественно из рассказов своих предшественников, не имеет для нас решающего значения⁴. Важнее то, что значительная часть его рассказа о Скифии несомненно идет от ольвийских греков, которые, конечно, недурно осведомлены были о той Скифии, которая была ближе всего к ним и которая ближайшим образом их интересовала.

Частью механическая, частью органическая переработка этих сведений Геродотом или его предшественниками, кругозор которых был гораздо шире, чем узкий кругозор ольвийских греков, создают непреодолимые трудности для работы выделения этих наблюдений из всего того, что по своему характеру экзотичности, сказочности и поэтичности было особенно ценным и для самих логографов и для их читателей. Для нас эти последние элементы, не связанные с определенной национальностью и определенным временем, имеют гораздо меньшее значение, чем узкие, но реальные наблюдения ольвийцев.

После эпохи Персидских войн, после ослабления скифского царства, бывшего результатом похода Дария, и ряда ударов по Скифии со стороны фракийских племен Балканского полуострова и вызвавшего усиление греческих колоний Причерноморья и особенно Боспорской державы, интерес греков к Скифии падает. Картина, данная ионийскими логографами, в значительной части уже не соответствующая действительности, остается канонической и не пополняется почти никаким свежим и новым материалом. Данные этой картины использованы и греческой наукой, и греческой историографией, и греческой поэзией. Везде мы находим ее следы и везде видим попытки вложить эти данные в ту или другую новую научную теорию.

В этой пестрой картине для нас особенно важен в интересующей нас связи тот материал, который был использован первыми попытками греков дать культурную историю человечества. В сборниках, где сопоставлены были так называемые *община варварика* в трактатах, где речь идет о культурной эволюции людей, в ответах на вопросы «кто что изобрел»

⁴ В «Скифии и Боспоре» М. И. Ростовцев обращался неоднократно к анализу Геродота (см. с. 2—4, 6, 7, 11, 13, 15—19, 21—23, 25, 28—33, 42, 43, 46, 59, 61, 80, 85, 86, 91, 92, 94, 95, 97—99, 106, 107, 109, 110, 112, 114—116, 120, 121, 258, 309, 329). Однако вопрос о пребывании Геродота в Ольвии в первом томе не затрагивался вообще. Вместе с тем М. И. Ростовцев касается данной проблемы в книге «Эллинизм и Иранство на юге России» (с. 59), которая была выпущена в свет в самом конце июня 1918 г. См. РО ИРЛИ, ф. 212 — архив издательства «Огни», ед. хр. 143. И это не случайно. Дело в том, что «Эллинизм и Иранство...», изданная петроградским издательством «Огни», является не чем иным, как сильно сокращенным и значительно популяризированным вариантом второго тома «Скифии и Боспора». См. об этом также: *Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. В., 1931. S. V.*

скифы и Скифия играют немалую роль, но новых наблюдений и новых данных мы здесь не найдем. Все это варианты старого, где новыми являются только комбинации и сопоставления, те или другие по большей части необоснованные гипотезы, те или другие выводы из по большей части недостаточных предпосылок. Выделить здесь реальное, относящееся несомненно к скифам VI и V вв. до Р. Хр. в высшей степени трудно. Еще труднее оперировать с теми общими картинами жизни Скифии, которые с легкой руки стоической философии вставляют в свои исторические произведения историки типа Эфора. Я уже говорил о том, как в их руках скифы, с одной стороны, стали типом, их жизнь — типом жизни северного кочевника вообще, как, с другой стороны, на место реальной трактовки скифов становится полуреальная картина идеализированного кочевого народа, носителя тех постулатов, которые предъявляла человечеству стоическая философская теория. В этой трактовке жизни и быта реальных скифов IV в. до Р. Хр. наблюдаемые детали, скудные и сами по себе, так как Скифия этого времени не привлекала к себе заинтересованных наблюдателей, теряются в массе заимствованного у логографов материала, а все это перерабатывается в плоскую и гладкую картину жизни созданного теорией, не существовавшего в действительности народа.

Реальная картина Скифии между тем начиная с III в. резко изменяется. Единственная научная дисциплина, которая следит за этими изменениями, это география, работающая для чисто практических целей. Кое-какие факты политической истории отлагаются в исторических трудах, касавшихся тех частей греческого мира, которые приходили в столкновение со все слабевшими обломками скифской державы. Интересы к государственности, быту и религии скифов этого периода их упадка мы не находим нигде.

Новая струя свежих данных занимающего нас характера появляется в древней литературе в эпоху оживления интереса к северному и восточному Причерноморью, связанному с ростом Мифрадатовской державы, и с той ролью, которую сыграли в момент ее образования и затем в годы ее крушения племена, жившие на берегах Черного и Азовского морей. В руках гениального историка этого периода, умевшего давать блестящие картины быта и строя приходивших в соприкосновение с Римом новых «варварских» племен, в руках Посидония данные историков Мифрадата превращаются в цельную бытовую картину. Но для Посидония, давшего такую блестящую характеристику хорошо знакомых ему кельтов, сложная картина быта и нравов многих причерноморских племен сливается под влиянием Эфора и стои в картину, где реальные черты исторической действительности претворяются в новое издание картины быта степных кочевников вообще с определенной тенденцией к их идеализации и в ряде отдельных наблюдаемых реальных характеристик, относящихся к отдельным местностям и племенам.

Характеристика Посидония, как известно, дошла до нас не непосредственно, а через переработку ее и ее источников в большом сводном труде Страбона, причем с этим конгломератом сплеталась в одно органическое целое и ученая дискуссия исследователей Гомера о том, в какой мере реальны были его сведения о жизни и быте кочевных племен. Расчленение Страбона на его составные части и выделение из его трактата реальных наблюдений историков Мифрадата, уже переработанных Посидонием, дает кое-какие черты, которые приходится, кроме этого, распределять между теми племенами, пребывание которых на берегах Черного моря засвидетельствовано нам географической литературой.

С этими же реальными наблюдениями эпохи позднего эллинизма тесно связаны и картины быта кочевых племен Причерноморья, которые сохранил нам Лукиан. Здесь работа критика еще труднее, так как реальные черты быта не основаны ни на реальном знании географии и этнографии, ни на стремлении дать исторически реальную картину. Эти реальные черты утопают, с одной стороны, в Эфоро-Посидониевском взгляде на строй кочевого быта вообще, в массе переальных деталей новеллистического характера, с другой.

Римская наука, историография и поэзия сами по себе вносят много нового в наше знакомство с племенами Причерноморья. Реально и важно здесь прежде всего то, что так или иначе, особенно у Тацита и Плиния, восходит к личному знакомству римских вождей с теми племенами, с которыми историческое развитие сталкивало римское оружие. Эти обрывки в высокой степени ценны и значительны. Кое-что новое дают здесь и отдельные наблюдения и характеристики Аммиана.

Наряду с этим ценно и важно и то новое, что включила в состав своих сводных работ римская наука энциклопедического характера, повторяющая многое из того, что уже нам известно, но имевшая в своем распоряжении и такие источники, которые передавали ряд старых ионийских наблюдений, не вошедших в состав произведений Геродота и Гипшократа. Для бытовой истории особенно ценно то, что дает римская ученая поэзия, особенно Валерий Флакк. Но и здесь выделить подлинное от дериватов, определить первоисточники — задача в высокой степени трудная и сложная.

Для характеристики скифов VI—III вв. до Р. Хр., их государства, религии и быта единственным новым и ценным источником являются главным образом логографы Ионии, преимущественно Геродот, картина которого остается единственно цельной и связной, несмотря на ее пестроту. Только там и здесь мы в состоянии дополнить ее из более поздних источников — случайных сведений историков позднейшего времени, обрывков сведений ионийских логографов, затерявшихся в более поздней литературе. В большинстве случаев, однако, сведения последней категории не касаются государственности скифов, а либо моментов географических, либо некоторых подробностей внешнего быта.

Сведения ионийских логографов, рисующих нам Скифию главным образом VI в. до Р. Хр., может быть с некоторыми добавлениями V в., приходится сочетать с тем, что дало нам археологическое расследование юга России⁵.

Действовать здесь тем механическим путем соединения археологических дат со сведениями Геродота, как это сделали в свое время Лаппо-Данилевский и Забелин, по пути которых пошел и Minns⁶, вряд ли правильно и целесообразно. Помимо того, что сам Геродот должен быть расчленен на отдельные составные части, надо считаться еще с той сложной картиной археологического материала, в которой мы попытались разобраться в нашем введении. Иначе мы можем оказаться в положении Эфора и вместо реальной картины Скифии VI—III вв. до Р. Хр. дать картину быта кочевых степняков вообще, на которую сбивается и часто реальная или преследующая реальные цели картина Геродота.

⁵ После этого абзаца М. И. Ростовцев переходит к обзору археологических источников. Их критическое рассмотрение было предпринято им во втором разделе книги «Скифия и Боспор».

⁶ Подробнее о критике этих взглядов см. *Ростовцев М. И.* Рец.: Minns E. Scythians and Greeks. Cambr., 1913 // ЖМНП. 1913. Ноябрь. Отд. 2. С. 173—194.

Надо прежде всего отметить, что никакого отношения к скифам и их державе весь материал доскифских погребений не имеет. Не имеет он никакого отношения и к киммерийцам ⁷.

Так как появление скифов с Востока несомненно, а принадлежность их к иранцам, как увидим ниже, в высокой степени вероятна, то к характеристике скифской культуры, религии и государственности будут иметь отношение только те погребения, в которых определяющими являются вещи, восточное или иранское происхождение которых может считаться установленным. При этом надо помнить, что характер этих погребений меняется в зависимости от двух факторов — географического и хронологического. Для эпохи VII—IV вв. до Р. Хр. мы имеем прежде всего две большие группы: одну — кубанскую, другую — днепровскую. Отличительной особенностью первой является преобладание восточных и греческих элементов над местными, характерным признаком второй — наслоение сначала греческих, а затем восточных вещей на местную основу, в достаточной степени типичную и не имеющую никаких элементов, указывающих на ее восточное происхождение. Анализ этой основы ведет скорее на запад, в сферу гальштадтской культуры, к которой позднее присоединяются все в большем числе элементы латенской цивилизации.

В IV—III вв. до Р. Хр. в погребениях всего юга России, от Кубани вплоть до Венгрии и Болгарии, начинают преобладать восточные и греческие элементы, причем апогея своего развития достигают как греческий импорт, так и особенно вещи, сработанные в духе местного звериного стиля, и вещи, изготовленные греческими, вероятно пантикаейскими, мастерами специально для нужд и потребностей населения, характеризующегося смешением в его обиходе предметов, типичных для Ирана, и некоторых вещей, примыкающих к местной культуре приднепровского населения. Наряду с этим имеется и некоторое количество вещей, которое надо считать иранским импортом. И в этот период, несмотря на общность культурного уклада, отмечается ряд местных особенностей. В Прикубанье и особенно на Тамани и в Крыму замечается сильнейшее греческое влияние, вытесняющее какие бы то ни было местные элементы, в бассейне Дона, ближе к Танаиду, замечается то же явление, дальше на север к восточногреческим вещам примешиваются мало еще обследованные местные вещи. В степном Приднепровье царит почти безраздельно греко-восточный уклад, между тем как в Среднем Приднепровье наряду с сильной примесью восточногреческих вещей в большинстве погребений базой остаются вещи местного производства, на которые отчасти влияют предметы восточногреческого обихода.

Характерной особенностью описанных областей является еще и то, что на Кубани во все периоды преобладают монументальные и роскошные погребальные сооружения с богатым инвентарем, та же особенность характерна и для степной Приднепровской группы, все погребения которой относятся к IV—III вв. до Р. Хр. На Тамани же преобладают погребения под одним курганом ряда лиц с богатым инвентарем в каждом погребении.

Иную картину дает Среднее Приднепровье — Киевщина и Полтавщина, причем к ним в IV—III вв. до Р. Хр. присоединяется и Среднее Придненье. Здесь наряду с монументальными и роскошными погребениями, где преобладают вещи восточного и греческого характера, количество кото-

⁷ Доказательству этого положения в рукописи второго тома посвящена глава II: «Так называемые доисторические или протоисторические памятники». Характерно опять-таки, что данного вопроса М. И. Ростовцев касается в начале книги «Эллинизм и иранство».

рых сначала незначительно, особенно возрастает в IV—III вв. до Р. Хр., господствуют погребения менее монументальные, более скромные и с инвентарем в значительной своей части местного происхождения.

Начиная со второй половины III в. до Р. Хр. общий характер степных курганных погребений сравнительно резко изменяется. Меняется и конструкция погребального сооружения, и обряд, и состав, и характер инвентаря. В Киевщине и Полтавщине за отдельными фазами постепенного изменения, в других местностях, как, например, на Кубани, мы застаем во II—I вв. до Р. Хр. совершенно сложившиеся и готовые новые формы (так в тексте — *В. З.*).

Целый ряд соображений, среди которых решающую роль играют соображения хронологические, заставил нас, не колеблясь, признать носителями культуры курганных погребений VI—III вв. до Р. Хр. скифов, господство которых в степях юга России в этот период закреплено нашим литературным преданием, правда в достаточной мере скудным, но не допускающим двух толкований. Большие и роскошные курганные погребения хранили несомненно останки отдельных скифских вождей, главарей всего народа и отдельных его частей. Характерное сочетание восточных (по преимуществу иранских) греческих и местных элементов во всех этих погребениях вполне подходит к той картине, которую дают наши литературные свидетельства о скифах и их государстве.

Гораздо труднее вопрос о том, какова была культура, носителями которой были не вожди, а руководимый ими народ-завоеватель. Ответ на этот вопрос сильно затруднен односторонностью археологического исследования, сделавшего своим объектом отдельные богатые курганы, а не целые некрополи, в состав которых обычно входят эти курганы. Поэтому чрезвычайно затруднительно сказать, является ли та местная культура, которая лежит в основе культурной жизни Приднепровья, но, насколько можно судить по данным, добытым до сих пор, не заходит за пределы течения Дона, культурой, носителями которой были скифы, скифский народ как таковой, или местное, покоренное скифами население, вещи обихода которого восприняты были в значительной части скифами-пришельцами, поскольку дело идет не о верхах, а о народе.

Вопрос этот в данном моменте, при данном состоянии материала вряд ли может быть разрешен в ту или иную сторону. Отсутствие типичной местной, так называемой «скифской» керамики на берегах Кубани, где так сильна скифская культура верхов, ряд параллелей, которые связывают эту керамику с Гальштадтом, наличие ее в Приднепровье до появления погребений с восточными иранскими вещами делают в данный момент более вероятным предположение, что так называемая «скифская» керамика не принесена с собою скифами извне, а является местным продуктом населения, культурные связи которого указывают на запад, а не на восток. С чем явилась в степи России масса скифов-завоевателей при таком разрешении вопроса остается загадочным и невыясненным. Только анализ предметов вооружения, поделок из металла мог бы нас приблизить к разрешению этого вопроса. Но здесь на пути стоят пока что непреодолимые трудности в отсутствии, с одной стороны, параллельного материала восточного происхождения и в недостаточной исследованности всего Балканского полуострова к югу от Дуная для интересующего нас периода, т. е. эпохи распространения железного оружия. Глубоко печально то, что даже уже сделанные находки этого времени, явившиеся результатом раскопок в Македонии Русского Археологического института в Константинополе, до сих пор не опубликованы и не обследованы. Значительным

представляется и то, что и для Южной России в наших руках пока что только односторонний материал больших курганных погребений, где простое и местное заглушено более богатыми продуктами высоких культур Востока и Эллады.

А priori вполне допустимо, что местная керамика, пустившая глубокие корни в население и приспособившаяся к местным материалам, воспринята была и массами пришельцев и что уже через несколько десятилетий масса пришлого населения восприняла эти местные продукты, которые могли быть и более богатыми в художественном отношении, чем то, что принесли с собою завоеватели. Самое растворение пизов завоевателей в массу покоренного населения также а priori вполне допустимо и вероятно. Более или менее чистый облик могла сохранить только та управляющая группа, которая стояла во главе пришельцев-завоевателей.

Новый культурный облик, который дают курганы начиная со второй половины III в. до Р. Хр., причем уже раньше, начиная с конца IV в. до Р. Хр., этот новый облик примешивается и к погребениям старого типа, находит себе объяснение, по совокупности наших сведений, в появлении новых последовательных волн иранских завоевателей, постепенно введравшихся и вклинившихся в скифскую державу, причем высший класс завоевателей естественно смешивался с высшим классом скифской державы, родственным им по происхождению.

Мы видели, что появление сарматов не было большим походом больших масс, сразу наводнивших степи юга России. Отдельные племена одно за другим постепенно прорывали границы прежнего скифского царства, вряд ли сохранявшего и в III в. свое единство, становились господами положения в этой или другой области, воспринимая исконный уклад ее жизни и продвигаясь дальше на запад под давлением новых подходивших с Востока племен.

Естественно поэтому, что в первое время мы наблюдаем только постепенную примесь новых элементов, особенно там, где местная часть успела более или менее оправиться и создать известный довольно прочный уклад жизни. Так было, например, по всей вероятности, в Среднем Приднепровье.

По мере распадаения этого уклада и по мере появления новых, все более сильных племен, встречавших все меньшее сопротивление, целые области меняют в корне свой культурный облик, причем он немедленно подвергается тем же факторам культурного общения и влияния, которые характерны были и для более ранней эпохи.

Определяющим фактором, кроме принесенного с собой культурного уклада, уже бывшего результатом долгой культурной эволюции под сильнейшим влиянием иранских эллинизированных держав, было тесное общение всех господ южнорусских степей с греческим миром через посредство Боспорского царства и других греческих центров Крыма и северного побережья Черного моря. В результате этого общения изменялся принесенный с собою культурный уклад, смягчался быт, приобретался некоторый общий эллинский лак.

Не надо забывать и того, что и связь с Востоком сарматских племен не прерывалась и что оттуда также шло и культурное влияние, и новые волны посетителей проникнутой иранским духом культуры.

Все только что отмеченные особенности нашего материала надо иметь в виду при решении задачи выяснить государственную, социальную, экономическую, религиозную физиономию скифской державы и сменивших ее отдельных скифских и сарматских государств. Ясно, что при таком со-

стоянии имеющихся в нашем распоряжении данных речи о сравнительно полной и точной картине быть не может. В наших руках мелкие обрывки предания, которое и в целом виде вряд ли было содержательным. Народы без письменности местного предания иметь не могли, греки интересовались степями юга России спорадически и отмечали только то, что представляло интерес для них и для их читателей. Археологический материал — без монет и без памятников письменности, притом материал исключительно из погребений — освещает только частично материальный быт одного, как мы видели, класса населения. Иллюстрации к быту и религиозным верованиям, которые давали греческие мастера, хотя и хорошо рисуют быт и нравы своих заказчиков, но все же греки, на заказанных им предметах культа и обихода, конечно, не могут быть одинаково ценными с памятниками письменными (так в тексте. — В. З.). До известной степени они могут быть поставлены в один ряд с свидетельствами греческих писателей, с теми показаниями ольвийцев, которые сохранил нам Геродот, являясь до некоторой степени заменой показаний пантикапейцев о быте и религии скифов — их соседей в IV—III вв. до Р. Хр., но не надо забывать, что читать картины гораздо труднее, чем письменные свидетельства, в понимании которых легче добиться несомненности, что всякая картина содержит гораздо более условностей, чем литературный текст, что толкование классических образов требует знания быта и религии, которые эти образы иллюстрируют, а между тем для нас они являются единственными источниками.

Трудной задачей является и согласование литературных и археологических данных. В рассказе Геродота мы всегда должны считаться с тем, что у него исходит от местных наблюдателей, действительно знавших то, о чем они говорили, что взято из старого уже подвергавшегося неизвестной нам обработке в духе того или другого писателя, даже имя которого нам часто неизвестно, литературного произведения, что, наконец, может быть и вполне достоверно, но не относится ближайшим образом к скифам и скифской державе, включено же в описание Скифии в виду растяжимости самого термина с точки зрения географической и этнографической и стремления Геродота украсить свой рассказ наибольшим количеством экзотических и поражающих воображение читателя эпизодов с примесью любого количества не исторического, а мифографического материала.

Проверить писателей археологическими материалами, подлинность которых несомненна, также представляет нелегкую задачу. Нельзя быть уверенным в том, что отсутствие подтверждения данных писателя археологическим материалом, как это является правилом, с немногими исключениями, для Геродота, является результатом неточности сведений Геродота и неправильности приурочения им той или другой особенности скифам. С таким же правом можно думать о неполноте нашего археологического материала, отсутствии достаточно точных наблюдений при исследовании курганов, недостаточно полном исследовании каждого отдельного кургана. Особенно разительно несоответствие детального описания Геродота, относящегося к погребальному обряду с тем, что является результатом раскопок, направленных исключительно на погребальные сооружения. К этому несоответствию нам придется еще вернуться.

Не приходится ждать авторитетной поддержки и от лингвистики. На каком языке говорили скифы, мы не знаем. Утверждение Геродота, что скифы и савроматы говорили на одном языке, а именно савроматы на испорченном скифском, вряд ли может быть в основе своей заподозрено. Но насколько точно это наблюдение — это трудный вопрос. Дело могло

идти о тех савроматах, которые подверглись сильному скифскому влиянию и усвоили себе и язык скифов. Кроме того, как мы видели, самый вопрос о том, в какой мере может считаться установленным тождество савроматов и сарматов, вопрос трудный и спорный. Вполне возможно, что савроматы ничего общего с позднейшими сарматами не имеют.

В таком случае никаких выводов о родстве скифского языка и языка аланов, сохранившегося до известной степени в языке осетин, сделать нельзя и приходится оперировать с весьма вероятным, но лингвистически недоказуемым иранским происхождением скифов. Говорю лингвистически недоказуемым потому, что строить какое бы то ни было заключение на основе единичных слов, сохранных нам греческими писателями, из которых большинство имена божеств и личные имена, с методологической точки зрения недопустимо.

При таких условиях очерк государственности, религии и культуры скифов и сарматов по необходимости будет необычайно фрагментарным и в значительной части своей гипотетическим. Нельзя здесь дойти даже до той стадии, которая возможна при восстановлении быта и государственности Боспорского царства, как ни проблематична и неполна и эта последняя картина, речь о которой будет в следующей главе⁸.

А. СКИФЫ

1. Государство, социальный и экономический строй⁹

Предыдущее историческое изложение судеб скифского государства показало, что мы имеем дело на протяжении, вероятно, части VI в. до Р. Хр., всего V в. и, возможно, IV с частью третьего, с большой политической единицей, выступающей по отношению к внешнему миру, насколько мы можем судить, по редким и случайным сведениям, как одно политическое целое. Имеем ли мы дело здесь с постоянным и длительным явлением или с повторным объединением ряда областей под единой властью и названием, не распадением государства на составные части, об этом мы точных и определенных свидетельств не имеем. Геродот знал единую скифскую державу, в сведениях об Атее мы встречаемся с таковым же, наконец, Скилуровская держава, хотя и ограничена в своих пределах, но тем не менее дает тот же облик единого государства.

Наряду с этим Фукидид говорит о силе и могуществе скифов, но упоминает о их разъединении. Относится ли это к скифскому царству на юге России или к совокупности скифов азиатских и европейских, сказать трудно. Естественнее думать о втором, так как для времени более раннего, чем Фукидид, Геродот рисует нам скифскую державу как единое целое, и на основании его свидетельств мы можем далее восстановить целый ряд имен царей одной династии.

Сведения о великом Скифском царстве, его государственной, социальной и экономической структуре мы находим почти исключительно у Геродота, как в тех частях, где он говорит о Скифии вообще, так и в рассказе о походе Дария. Согласие этих двух частей повествования Геродота

⁸ Глава VI: «Государство и культура Боспорского царства».

⁹ Наличие литеры указывает на то, что пятая глава композиционно была задумана М. И. Ростовцевым по следующему плану: введение с анализом источников, далее часть А, посвященная изложению взглядов на скифов (государственный, социальный и экономический строй — пункт 1; культура скифов — пункт 2) и часть В, посвященная сарматам, которая скомпонована по аналогии с частью А.

говорит за достоверность его сообщений. Вообще в вопросах о государственном строе Геродот, очевидно, руководствовался сведениями, полученными им или его источником от ольвийцев. Сведения эти до известной степени подтверждаются и археологическими данными.

Сообщения Геродота не раз пересказывались современными авторами, но мне кажется, что выводы их не были сделаны полностью.

Вопрос о границах Скифии, т. е. о пределах власти скифских царей, вряд ли может быть разрешен с точностью. Он, конечно, не совпадает с вопросом о величине той области, которую заселяли скифы. Подчинение и зависимость тех или других местностей могли не сопровождаться поселением на этой местности значительных масс скифов. Примером к тому может служить татарское владычество в России. Всем известно, в какой мере противоречивы и спорны обе географические характеристики, которые дает Геродот Скифии (IV, 99—101 и 16—20), и как трудно здесь прийти к каким-либо определенным выводам. Характеристики исходят явно из разных источников и преследуют разные цели: гл. 16—20 отражают горизонт ольвийцев, 99—101 характеризуют Скифию красками историка похода Дария. Точных границ ни там, ни здесь не указано. Во всяком случае ясно, что побережье Черного моря от Днестра до Дона в их руках.

Возможно ли в критике сведений Геродота опираться на данные археологического исследования — это вопрос трудный. Мне кажется, однако, что сфера распространения курганных погребений с вещами, где смешиваются элементы иранской восточной культуры с греческими и местными, при том постоянстве, которым в общем отмечается, несмотря на разнообразие во времени и мест скифский тип курганного погребения, может считаться и сферой государства скифов, как руководящего государственного элемента. Одним культурным влиянием этого постоянства не объяснишь.

Если это так, то в рамки древнейшего скифского царства придется включить не только значительную часть Прикубанья с зависимостью от него Тамани и племен по Азовскому морю, но и всю Киевщину и Полтавщину. И то, и другое характеристика Геродота как будто исключает: для него (IV, 100) границей на востоке является Дон, в Киевщине и Полтавщине живут как будто Невры и Будины. Еще труднее вопрос о дальнейшем распространении скифской державы на запад.

К сожалению, ни в Добрудже, ни в Венгрии исследование погребений скифского типа не произведено с такою детальностью, чтобы можно было говорить о дате этих погребений с такою же точностью, как о датах погребений Прикубанья и Приднепровья. Приходится поэтому довольствоваться теми гипотетичными выводами, которые были даны в изложении политической истории Скифии.

Там же указаны и разобраны те свидетельства, которые позволяют утверждать, что уже древние и даже один из источников Геродота знал о господстве скифов на Северном Кавказе. Отрицание этого Геродотом является результатом узкого кругозора и недостаточной осведомленности о скифской державе ольвийцев. Во всяком случае, можно утверждать одно, что постоянных и прочных границ скифская держава не имела, причем вполне вероятно постепенное расщепление этой державы и выделение из нее отдельных самостоятельных скифских же государств на Востоке и на Западе. Центром главной державы всегда оставались области по Днепру, причем в IV—III вв. до Р. Хр. главной цитаделью скифской мощи были степи на восток и частью на запад от Днепра. За это, по крайней мере, говорят археологические данные.

Обстояло ли дело так и в эпоху Геродота до сих пор с точностью установить нельзя, пока не найден тот некрополь скифских царей, о котором говорит Геродот, если только сведения его достоверны и такой некрополь VI и V вв. до Р. Хр. действительно существовал.

Весьма вероятной представляется та характеристика, которую дает Геродот государственной структуре скифской державы. Повторное указание его на деление царства на три части, на три *ἀρχαί* или три отдельных царства, которые, однако, находятся под властью одного царя, уже в силу повторения этих указаний, по всей видимости, соответствуют действительности, во всяком случае, V в. до Р. Хр.

Об этом же тройном делении мы слышим прежде всего в обоих мифах о происхождении скифского царства: и там, где сообщается местная легенда о трех сыновьях Таргитая, от которых произошли три части скифского племени: авхаты, катиары или траспии и паралаты (IV, 6), причем, однако, во главе всех трех стоит один верховный царь¹⁰: «...Старшие братья, поняв значение этого чуда, передали младшему все царство. И вот от Липоксаия-де произошли те Скифы, которые носят название рода Авхатов, от среднего брата Арпоксаия — те, что называются Катиарами и Траспиями, а от младшего, царя, — те, что называются Паралатами; общее же название всех их — Сколоты, по имени одного царя». Ср. 7: «...Так как страна была обширна, то Колаксай разделил ее на три царства для своих сыновей и одно из них сделал гораздо больше других; в нем-то и сохраняется золото» (SC. I. С. 12), и там, где сообщается греческая версия той же легенды о происхождении трех царей от Геракла, причем верховные цари Скифии произошли от одного из трех — Скифа. IV, 10: «От этого-то Гераклова сына Скифа и произошли-де всегдашние скифские цари» (SC. I. С. 14). Это же предполагает и рассказ о походе Дария — IV, 120: «К одной из этих частей, во главе которой стал царь Скопасис, должны были присоединиться Савроматы. . . , а две другие части царских скифов — большая под начальством Идантиса и третья, подчиненная Таксакису...». Ср. IV, 136 (SC. I. С. 47). При этом, однако весь *λόγος* Геродота о Скифии включая и рассказ о походе Дария предполагает единство царя — см. IV, 68: «В случае болезни царь скифский...»; IV, 69: «Царь..., которых он казнит...»; IV, 77: «Анахарсис был послан... скифским царем...» (SC. I. С. 29, 33).

Наконец, то же деление царства на три части, несомненно, подразумевается и в характеристике административного строя государства, где эти части называются *ἀρχαί* (см. IV, 62).

Гораздо труднее локализовать каждую из трех частей. Попытка Гутшмита (Kl. Schr. III, 429)¹¹, исходящая из локализации Плинием (IV, 88) явхатов или аухатов на верхнем течении Буга, вряд ли может считаться разрешающей вопрос, так как с данными Плиния оперировать очень трудно.

Нелегко примирить эту локализацию и с локализацией трех царств эпохи Дария, для которой некоторые данные имеются у Геродота. Представление о господстве одной части скифов над всеми остальными определенно проводится Геродотом и в его характеристике царских скифов —

¹⁰ Греческие тексты, которые приводит М. И. Ростовцев, заменены здесь переводом из издания В. В. Латышева «Scythica et Caucasica. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе» (Т. I. СПб., 1893; далее — SC).

¹¹ М. И. Ростовцев имеет в виду следующую работу: Gutschmid A. von. Kleine Schriften. Bd. III. Lpz, 1892.

IV, 20: «По ту сторону Герра находятся так называемые царские владения и живут самые лучшие и многочисленные Скифы, считающие прочих Скифов своими рабами» (SC. I. С. 16).

Местоположение этих βασιλῆα, как сказано, до сих пор не установлено, но общая локализация упомянутого средоточия скифской военной мощи в степях к востоку от нижнего течения Днепра весьма вероятна.

Организация и характер царства довольно реально выделяются из некоторых отдельных замечаний Геродота, подлинность которых не подлежит сомнению. Характерно прежде всего, что Геродот не решается высказаться о числе скифов — IV, 81: «Численности Скифов мне не удалось узнать в точности; я слышал различные мнения об их числе: одно что они очень многочисленны, другое — что собственно Скифов мало» (SC. I. С. 35). Так как Геродот, очевидно, под общим понятием скифов понимает все население скифской державы, следуя в этом, очевидно, общему представлению того времени, с другой же стороны, организация правящего класса выделяла его в особую группу, в которой племенные особенности скифов сохранились с особой силой, то и получается колебание и двойственность.

Между тем из дальнейших замечаний Геродота вытекает с полной ясностью, что государственная организация скифов предполагает существование особого военного класса населения, т. е. особой военно-организованной аристократии, тесно связанной со всем административным строем государства. Известно свидетельство Геродота о делении государства на ἀρχαί, каждой ἀρχή на номы с центральным святилищем Арея в каждом номе — IV, 62: «...в каждой области по околоткам построены у них следующие святилища Арея...» (SC. I. С. 26). Уже это святилище Арея предполагает чисто военную организацию указанных делений. Это подтверждается и дальнейшей характеристикой некоторых обычаев скифов. Так, в главе 64 говорится: «по получении добычи только тем, кто приносил голову убитого врага» (так в тексте. — В. З.). Еще характернее глава 66: «Ежегодно по разу каждый начальник в своей области prepares чашу вина, из которой пьют те Скифы, которые умертвили врагов; те, которым не удалось этого сделать, не вкушают этого вина и, как обесчещенные, садятся отдельно; это для них величайший позор. Напротив, те их них, которым удалось убить очень много врагов, получают по две чаши и пьют из обеих разом» (SC. I. С. 28). Наконец, в главе 70 характеризуется обычай братания ὄρκια, засвидетельствованный, как мы видели и археологически. Обычай состоял в питье из одного сосуда (как показывают изображения — ритона) вина, смешанного с кровью, — IV, 70: «По совершении этого обряда, — заканчивает Геродот, — они долго молятся, а затем пьют смесь как сами договаривающиеся, так и достойные из присутствующих» (SC. I. С. 30).

Присматриваясь к последнему тексту, мы видим, что обычай братания соединял между собою отдельных вождей, стоявших во главе целой дружины (οἱ ἐπόμφοι), из которой выделялись οἱ πλείστον ἄξιοι.

Такая же дружина, большего масштаба, группировалась и около царя. В рассказе о похоронах царя речь идет об умерщвлении θεράποντες во время погребения и через год после него. Понятие θεράποντες Геродот определил в гл. 72: «Они природные Скифы, так как царю служат те, которым он сам прикажет, а покунных рабов у них вовсе нет» (SC. I. С. 20), причем дальше определяются некоторые специальные должности этих приближенных и слуг царя: οἰνοχόος (виночерпий), μάγειρος (повар), ἵπποχόμος (конюх), διήγονος (слуга), ἀγγελιηφόρος (вестник). Очевидно, это ближайшая свита царя избиралась из его дружины.

Картина, рисуемая нам на основании этих разрозненных и случайных свидетельств, прежде всего укладывается в представление о государстве, организованном на чисто военный лад. Господствующим классом являются организованные в дружину скифы-завоеватели, группирующиеся около отдельных представителей знати в мелкие дружины, которые в свою очередь соединяются в группы по номам и по *архатам* и руководятся в больших предприятных главным царем, по указанию которого действуют монархи и правители трех частей царства. Такой характер организации государства совместим и с земледельческим и со скотоводческим бытом подвластного населения. Роль господ сводится к собиранию дани, подавлению восстаний, борьбе с соседними племенами и организации отпора от нападений извне. Он напоминает, также только в общих чертах, известные нам, организацию отдельных, сменивших скифскую, кочевых держав, особенно наиболее прочных из них — державы хазар и татарской Золотой Орды. К такому строю государства вполне подходит и картина, даваемая археологическим исследованием. Наряду с роскошными царскими погребениями мы имеем, особенно в Киевщине, Полтавщине и около Воронежа, целые серии погребений вооруженных с ног до головы конных лучников, достаточно богатых, чтобы иметь возможность соорудить себе монументальную гробницу под курганом и унести с собою в могилу и полное вооружение, и ряд драгоценностей.

Социальный и экономический уклад царства, конечно, не во всех частях государства был одинаков. Но не подлежит никакому сомнению, что значительная часть царства жила земледельческим укладом. Для Прикубанья это вероятно, но не несомненно; точно засвидетельствован земледельческий уклад для всего правобережного Приднепровья, включая, может быть и левый берег реки в пределах Днепровской дельты.

Надо отметить, что греки, а может быть и сами скифы, смотрели на государство скифское как на населенное в значительной степени земледельцами. Это определенно сказывается в легенде о происхождении скифов, о которой уже была речь, а именно в первой, по утверждению Геродота, местной версии.

Решающую роль в этой легенде играют золотые эмблемы царской власти, упавшие с неба, — IV, 5: «...упали-де с неба на скифскую землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша» (SC. I. C. 12).

Уже Гуттмид (Kl. Schr. III, 429) указывал на то, что в этих эмблемах проявляется двойственность состава населения, состоявшее из земледельцев и воинов. Не знаю, в какой мере эта часть легенды передает подлинное скифское сказание и в какой мере, если она подлинно скифская, она местного происхождения, а не принесена с собой скифами со своей иранской родины. Но несомненно, что легенда эта не расходилась с представлением греков о скифской державе.

То же представление греков о скифах на юге России подтверждает и отрывок из Арриана, где говорится: «...они прежде питались хлебом и занимались земледелием, жили в домах и имели города, но после нанесенного им Фракийцами поражения изменили прежний образ жизни...», — и поклялись жить кочевой жизнью, — «...И вот с этого-то времени они из земледельцев сделались кочевниками...» (SC. I. C. 201).

Наряду с этим, однако, прочно установившееся убеждение греков в том, что скифы ведут кочевой образ жизни, убеждение, которое мы находим и у Геродота и которое сделалось общим местом, начиная с Эфора, несомненно, также правильно и подлинно характеризует образ жизни в некоторых частях скифской державы.

В достаточной мере известно, что Геродот делит скифов на скифов-земледельцев и скифов-кочевников. Первые живут в ближайшем соседстве с Ольвией — это каллипиды — Ἐλλήνες Σκῆθαι и Ἀλιζόνες: «Эти последние, как и Каллипиды, — говорит Геродот в IV, 17, — в прочих отношениях живут одинаково со Скифами, но сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо. Выше Алазонов живут Скифы-пахари, которые сеют хлеб не для *собственного* употребления в пищу, а на продажу». (SC. I. С. 16). Выше их живут Невры. То же на левом берегу Днепра, где к северу от Гилеи живут Σκῆθαι γεωργοί (земледельцы) на три дня пути на восток до Пантикапа. То же представление мы находим и в IV, 53, где дается характеристика Борисфена, его богатства рыбой и плодородия его берегов: «... вдоль него тянется превосходная пахотная земля или *растет* очень высокая трава там, где почва не засеивается» (SC. I. С. 24). Согласно этому месту, скифы-земледельцы живут по Днепру на десять дней пути. Толкование этих данных Геродота, помимо разных географических контрверс, которых мы здесь не касаемся и которые вряд ли могут быть удовлетворительно разрешены, представляет много трудностей. Археологическое исследование дельты Днепра и Буга показало, что по всей дельте разбросаны небольшие укрепленные поселения, некрополи которых датируются временем от VI в. до Р. Хр. и вплоть до римского времени. Некрополи эти, как указано было выше, носят смешанный характер: погребения частью дают обычные и для ольвийского некрополя типы, частью носят характер курганных погребений с деревянными сооружениями шатрового типа. Инвентарь этих последних почти не дает вещей восточного происхождения и представляет смесь греческого импорта и местных продуктов.

Поселения у устьев Днепра и Буга в этом отношении разнятся от старейших погребений Киевщины и Полтавщины только тем, что в последних отсутствуют погребения греческого типа и в погребениях местных греческие вещи более редки. Но там, в Киевщине и Полтавщине, как и в Подолии, некрополи связаны с городищами, правда, иного характера и гораздо более крупных размеров. Весьма вероятно поэтому, что скифами население земледельческих местностей по течению Днепра названо только постольку, поскольку эти местности принадлежали к скифской державе и господствующие классы либо состояли из подлинных скифов, усвоивших себе в известной мере уклад местной жизни и местную культуру, либо принадлежа к местному населению, усвоили себе до некоторой степени скифский уклад жизни, то есть слились со скифской аристократией.

Почему, однако, при этих условиях Геродот тем не менее называет жителей нижнего течения Днепра скифами, а племена за порогами выделяет, определенно указывая на их нескифское происхождение, несмотря на то, что в них элементов восточного уклада, как доказывает археологическое расследование, больше, — остается непонятным. Возможно, что ольвийцы, имевшие дело со скифами, своими ближайшими соседями, называли а ριγοί и все население скифским, между тем как более отдаленные и менее им знакомые племена выше по Днепру сохраняли для них свою национальную индивидуальность.

Характерно, однако, что и здесь, как показывают погребения, высший класс населения состоял из вооруженных конных рыцарей, по всей вероятности входивших в состав управляющей государством военной касты. Племенной ее состав мог быть, конечно, и не чисто скифским.

Земледелие, однако, вряд ли было господствующим занятием приднепровского населения. Геродот определенно говорит о части скифов-зем-

ледельцев, которые сами живут скотоводческим укладом, а хлеб производят только для продажи, а не для потребления себе. Это очень характерно для определения влияния, которое оказывала Ольвия с ее хлебным экспортом на местное население, и позволяет думать, что часть населения Приднепровья была действительно скифами-кочевниками, воспринимавшими от местного населения и греков новые навыки земледельческого быта. При этом предположении еще более понятным будет определение всего населения Геродотом как скифов.

Интересно, что Геродот отмечает чисто земледельческий образ жизни для гелонов, которых греки смешивали с будинами, — IV, 109: «...а Гелоны, *напротив*, занимаются земледелием, питаются хлебом, имеют сады и несколько не похожи на Будинов ни сложением, ни цветом кожи. У эллинов, правда, и Будины называются Гелонами, но это неправильно» (SC. I. C. 42).

За пределы означенных, чрезвычайно общих положений о государственном и социальном строе скифской державы мы, к сожалению, выйти не в состоянии. Каковы были отношения в земледельческой части скифской державы, внутри отдельных колоссальных городов Среднего Приднепровья, между завоевателями и завоеванными, между завоеванными между собою — это, конечно, навсегда останется нам неизвестным.

Не более знаком нам и социальный строй самого центра скифской державы. Кочевой образ жизни и скотоводческий уклад царских скифов охарактеризован Геродотом чисто внешним образом. То, что добавил к этому Эфор, есть результат домысла и географических построений и вряд ли заслуживает детального разбора. То же нужно сказать и о последующих наслоениях на картину, данную Эфором. Реальных и положительных данных отсюда извлечь невозможно.

Несомненно, подлинно то, что говорит Геродот о положении женщин среди скифской аристократии. Они ничем не отличаются от положения женщин среди многих кочевых племен.

Аристократический строй скифской царской орды можно усмотреть из двух упоминаний Геродота о пастухах скифской орды, из которых с вероятностью можно заключить о их подневольном и зависимом положении (Her. IV, 2 и 130). Допустимо, что с кочевым бытом соединялась возможность частного землевладения, как на это указывает известное свидетельство Геродота о наделении землею того, кто во время празднеств в честь царских реликвий заснет (Her. IV, 7). Но вполне мыслимо, что здесь мы имеем уже переход к оседлому быту¹².